

Ольга Ермакова
(Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург)

Управление иностранными колониями в России в 1760-е гг.: замысел, практика, кадры.

Administration of foreign colonies in Russia in 1760s: plan, practice, personnel.

Keywords: Russia, foreign colonies, administration, recruiters, colonists, Chancellery of guardianship of foreigners, contract.

Annotation: The article shows the principles of managing foreign colonies in Russia during the early period of their existence. Along with characterizing the activities of special government authorities the author focuses on the situation in the “recruiters” colonies, where administrative functions initially belonged to private persons – recruiters who at the same time became the directors of new settlements. The paper analyzes the conditions of the colonies’ internal organization as well as of recruiters’ activity according to their contracts with the Chancellery of guardianship of foreigners, that gives the idea about the intent and planned model of life and government in the colonies. The author also proposes a vision about the reasons of inefficiency of the recruiters’ administration in foreign colonies in Russia.

Administrowanie koloniami cudzoziemców w Rosji w latach 60-tych XVIII wieku: założenia, praktyka, kadry

Słowa kluczowe: Rosja, kolonie cudzoziemców, administracja, rekruci, koloniści, kancelaria opiekuńcza inostrannykh, kontrakty

Streszczenie: W artykule przedstawiono zasady zarządzania koloniami obcokrajowców w Rosji we wczesnym okresie ich istnienia. Oprócz opisanie działalności specjalnych organów rządowych, Autorka koncentruje się na sytuacji w koloniach „rekrutów”, w których funkcje administracyjne początkowo należały do osób prywatnych – naganiaczy (zasadźców), którzy jednocześnie byli zarządcami nowych osad. Artykuł analizuje organizację kolonii oraz działalność rekruterów na podstawie umów z Kancelarią opieki nad cudzoziemcami, co daje wyobrażenie o zamiarze i planowanym modelu funkcjonowania i administracji w koloniach. Autorka przedstawia także swoje opinie na temat przyczyn niewydolności administracji rekruterów w koloniach cudzoziemców w Rosji.

Известно, что масштабы переселения иностранцев в Россию в эпоху Екатерины II превзошли все ожидания императрицы, графа Г. Орлова, назначенного президентом вновь созданной Канцелярии опекунства иностранных, и других представителей аппарата власти. Закономерно, эта ситуация потребовала специальных решений, направленных на организацию эффективного управления обширными колониями. Высшим органом управления иностранными колонистами стала уже упомянутая Канцелярия опекунства иностранных при Сенате (учреждена 22 июля 1763 г.), получившая статус коллегии¹. Канцелярии принадлежала ведущая роль в ходе подготовки и организации переселения иностранцев. Первостепенной ее задачей, согласно инструкции, являлся контроль за соблюдением положений Манифеста 1763 г. о вызове иностранцев в Россию². В апреле 1766 г., когда многочисленные колонисты были перевезены к месту их поселения в Поволжье, и возникла необходимость в специальной структуре управления иностранцами в непосредственной близости к колониям, указом императрицы была учреждена Саратовская контора Канцелярии опекунства иностранных, наравне с прочими коллежскими конторами. До этого управление колонистами относилось к Саратовской воеводской канцелярии, у которой, однако, и теперь осталась функция совместного с новой конторой рассмотрения жалоб и споров, возникавших между российским и иностранным населением³. Состав вновь созданной конторы утверждал президент Канцелярии опекунства иностранных. Ключевым звеном в ее структуре являлось присутствие, возглавляемое главным судьей или главноприсутствующим и включавшее на протяжении существования конторы от одного до трех членов. Решения конторы носили коллегиальный характер, но могли приниматься и в отсутствие главного судьи и даже при наличии только одного члена присутствия⁴. Двумя годами позже в дополнение к конторе создается институт окружных комиссаров для исполнения административно-хозяйственных и контролирующих функций⁵. Низовой уровень управления в колониях составляли старосты (форштегеры).

Такова была административная структура, вводимая государством постепенно, в процессе организации жизни в иностранных колониях. Однако, существовали определенные особенности, связанные с характером основания поселений. Речь идет о том, что часть колоний, сформированных из переселенцев, набранных российскими дипломатическими представителями в Европе и их комиссарами, имели статус коронных, другие же состояли из иностранцев, вывезенных частными вербовщиками, называемыми «вызывателями», не имевшими отношения к русской государственной службе, но заключившими контракты с Канцелярией опекунства иностранных. Колонии последних – «вызывательские»

¹ Полное собрание законов Российской империи [dalej jako: ПСЗ РИ]. Собрание 1. Т. 16. № 11879.

² ПСЗ РИ, собрание 1, т. 16, № 11880, 11881.

³ ПСЗ РИ, собрание 1, т. 17, № 12630.

⁴ И.Р. Плева, *Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века*, Москва 2008, с. 213.

⁵ Там же, с. 205; Г.Г. Писаревский, *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам)*, Москва 1909, с. 195.

представляют особый интерес, в том числе, с точки зрения, управления.

Согласно договорам, «вызыватели» назначались директорами основанных ими колоний. Они могли избирать поверенных из числа своих товарищей. Таким образом, управленческие кадры «вызывательских» колоний, за исключением форштегеров, выбираемых из числа колонистов, формировались за счет вербовщиков и их помощников, по преимуществу, тех, кто помогал им в наборе иностранцев. Если говорить о «замысле» структуры управления и внутреннего административного устройства поселений, то следует обратиться к контрактам с вербовщиками. Договоры составлялись по унифицированному формуляру. Контракты определяли статус самих «вызывателей» во вновь образуемых колониях. Изначально такие вербовщики принадлежали к категории частных лиц. «Приватные наборщики» – называл их российский дипломатический представитель в Регенсбурге И. М. Симолин⁶, а «вызыватель» барон де Борегард сетовал на трудности, с которыми сталкивается «партикулярный человек»⁷ в миссии столь трудной, как набор большого количества переселенцев. Соглашения определяли территорию расселения и количество семейств, которых обязывался привезти «вызыватель». В договоре разяснялись полномочия контрактируемых – будущих директоров – относительно распределения земель, общего управления и юрисдикции подвластных им поселений. В целом, все внутренние вопросы, равно как и наделение жителей колонии пахотной землей, решались директором. В обязанности «вызывателя» по контракту входило поддержание постоянного количества проживающих на его территории семей колонистов за счет приглашения на «выбытые места» новых переселенцев, но не переманивания их из других колоний⁸. Например, в договоре с «вызовщиками» Жаном де Бофе, Менье де Прекурором и Квентином Дотериве значилось, что «начальники будут владеть колонией по законам как оные то заблагорассудят и для караула той колонии дастся им военную команду с тем чтоб главной из них жил близ оной колонии и на казенном коште бы содержан был»⁹. Кроме того, контракты с «вызывателями» регламентировали порядок и ограничения при заключении договоров между вербовщиками и собственно колонистами, по сути, содержали в себе форму такого договора, которая в ходе переговоров будущих контрагентов могла быть дополнена иными условиями, не выходящими за заданные рамки¹⁰. Прежде всего, Канцелярия опекунства иностранных предписывала, что переселенцам «ничего предосудительного и лишнего сверх государственных узаконений обещать не должно»¹¹. На практике же оказывалось, что «вызыватели» зачастую принуждали колонистов к подписанию договоров, крайне не выгодных для последних.

⁶ Российский государственный архив древних актов [dalej jako: РГАДА], ф. 283, оп. 1, д. 61, л. 97об.

⁷ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 56, л. 317–318.

⁸ ПСЗ РИ, собрание 1, т. 16, № 12283; РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 47, 56, 60–61об., 69; д. 56, л. 309об.

⁹ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 54.

¹⁰ Там же, л. 56об., 63–64; д. 56, л. 311об.

¹¹ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 56об.

Среди «вызывателей», часть из которых действовали группами в составе нескольких человек, выделяется история «вызовщика» Кано де Борегарда. Обязавшись привлечь значительное число колонистов – 3000 семей, этот вербовщик чрезвычайно тщательно подошел к вопросам административной организации и управления колониями. Типовой договор «вызывателя» с Канцелярией опекунства иностранных подвергся двустороннему обсуждению и дополнению специальными «сепаратными пунктами», предложенными Борегардом. В частности, «вызыватель» инициировал разделение поселенцев «по швейцарскому обряду» на полки, роты и капральства для «содержания колонистов в послушании». Если начальники посчитают необходимым, допускалось назначать на офицерские должности иностранцев – переселенцев из тех же колоний «с тем чтоб в паспортах писать их не иначе как например при такой то колонии должность капитана поручика или прапорщика правящей иностранец, имярек»¹². Другой пункт, направленный на мотивирование помощников «вызовщика» к лучшему исполнению миссии, гарантировал, что по приезду в Россию за его товарищами сохранятся чины, заслуженные ими на родине: «Кто из товарищей моих докажет, что он будучи в службе в других государствах заслужил какой либо чин, то оной у него и в России кроме важных преступлений отнят не будет»¹³. Так формировался и укреплялся локальный управленческий аппарат колонии во главе с директором. Борегарду, согласно контракту, позволялось распределять землю между колонистами по своему усмотрению. При этом, «учреждая из каждых восьми фамилий особливая общества, из которых пять составляют форштегерство, а каждое форштегерство находитца в смотреии у одного шульца однако так что один шулец имеет в своей команде пять форштегерств которым бы роздавать землю <...> смотря по болшой или меншой способности каждой фамилии к исправлению хлебопашества»¹⁴.

Колонии Борегарда, действительно, были организованы согласно его желанию, закрепленному в контракте. Они представляли собой территориально цельное поселение, не разделенное другими владениями, без чересполосицы. Восемь коронных колоний отделяли колонии Кано де Борегарда от «вызывательских» колоний Леруа и Питета¹⁵. Внутренним управлением колониями занимался поверенный Борегарда подполковник Монжу¹⁶. Сам «вызыватель» в мемориале, подробно описывающем проведенные действия по набору колонистов, привел такое высказывание вице-президента Канцелярии опекунства иностранных Василия Баскакова: «в протчем как борегардовы колонисты имеют против других отменные контракты, и подлежат особливым разпоряжениям, то должно их обнадежить, что они могут во всем положиться на обещания их началника»¹⁷.

¹² РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 56, л. 312об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 314.

¹⁵ Г.Г. Писаревский, *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам)*, Москва 1909, с. 183.

¹⁶ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 56, л. 321об.

¹⁷ Там же, л. 315об.

Спустя несколько лет после начала деятельности Кано де Борегарда у Канцелярии опекунства иностранных и «вызывателя» возник ряд взаимных финансовых притязаний. Претензии к Борегарду касались излишней траты казенных денег на перевоз колонистов (в том числе, кормовых денег). «Вызыватель» же стремился обосновать произведенные траты, опираясь на контракт, а наряду с этим обращался с просьбами о выдаче ему следующей партии казенных средств, предназначенных для переправки новых колонистов в Россию, и о выплате денег, которые Борегард, по его мнению, «недополучил за предыдущий набор», когда возникла путаница. «Вызыватель» объяснял, что из 1993 семей иностранцев, собранных им в Любеке и Гамбурге, в Россию уехали только 1930 фамилий. Из остальных 63 «иные померли, иные бежали или через другие случаи убыли»¹⁸. При этом, деньги на их обеспечение уже были потрачены в силу необходимости переправить и содержать их в городах – пунктах сбора колонистов. Давая объяснения сложившейся ситуации, «вызыватель» Борегард делал упор на то, что реализация его плана действий изначально оказалась подорвана неисполнением условий договора с российской стороны. Суть нарушения состояла в несоблюдении сроков выдачи первой крупной суммы на вывоз колонистов. Борегард получил обещанные средства на первоначальный набор переселенцев лишь спустя два месяца после оговоренного срока, что, по его словам, привело к значительным затруднениям и «замешательствам» в производстве порученной ему миссии¹⁹. Кроме того, препятствия и дополнительные издержки обуславливались разными непредвиденными обстоятельствами, как то: «слабое здоровье, а потом и смерть комиссара Шмита (в Любеке – *Е.О.*), также другие случаи <...> были тому причиною что колонистские транспорты по прибытии их не тот час приняты»²⁰.

Канцелярия же считала жалобы Борегарда вымышленными и обвиняла его в ухищрении, состоявшем в подлогах ради собственного обогащения. Кроме того, Канцелярия усмотрела в контрактах, заключенных Борегардом с колонистами, что: «некоторые выражения весьма темны», «вспоможение колонистам в провозе товаров с его стороны осуществлено несправедливо»²¹. Оказалось, что Борегард при перевозке своих товаров записывал их на колонистов, поскольку в соответствии с Манифестом 1763 г., дозволялось беспрошлинно перевозить товаров не более чем на 300 руб. на одну семью²².

Представляется, что истоки финансовых споров между «вызывателем» Кано де Борегардом и Канцелярией опекунства иностранных лежат в общей сложности и запутанности расчетов, а также объективной невозможности отследить все траты и издержки, понесенные агентами и комиссарами в процессе переезда колонистов. Данную проблему поднял президент Канцелярии опекунства иностранных граф Г. Орлов, что отражено в его высочайше утвержденном

¹⁸ Там же, л. 322.

¹⁹ Там же, л. 321об.

²⁰ Там же, л. 322об.

²¹ Там же, л. 357об.

²² ПСЗ РИ, собрание 1, т. 16, № 11880.

докладе от 10 апреля 1766 г. «О порядке ведения прихода и расхода сумм по Канцелярии опекунства иностранных». Г. Орлов подчеркивал, насколько трудно получить квитанции и свидетельства о всех издержках, связанных с переселением иностранцев, особенно в части кормовых и квартирных денег, платы хозяевам домов, где останавливались колонисты, а также фурманщикам и тому подобным наемщикам. Он высказывал опасение, что, если отдать все таковые издержки полностью на откуп комиссаров и «вызывателей», это неизбежно приведет к разного рода злоупотреблениям, а потому считал необходимым любыми способами добиваться оформления расписок и квитанций, подтверждающих затраты, насколько это возможно, и только в крайних случаях полагаться на совесть «препроводителей» колонистов²³.

Масштабы переселения колонистов привели к частичной потере контроля над процессом, что, в первую очередь, ударило по экономической стороне проекта. Так, по описанию графа Г. Орлова, в Ораниенбаум иностранцы прибывали многочисленными партиями, одна за другой, так что порой местным комиссарам приходилось выдавать кормовые деньги более чем на полторы тысячи человек, а затем расселять колонистов по квартирам. В числе же иностранцев очень многие оказывались неграмотными, а потому в расписках ставили только знаки. Дошло до того, что «данную сначала от Канцелярии шнуровую книгу Ораниенбаумскому комиссару, колонисты, расписываясь в оной, не только измарали, но напоследок и издрали»²⁴. Возникла путаница, цепочки злоупотреблений и борьбы с ними. В действительности, не представляется возможным с полной достоверностью установить правоту той или иной стороны в таких спорах (касающихся денежных затрат при перевозке переселенцев). Оправдания Борегарда нельзя назвать неубедительными, учитывая, что ситуация задержки расчетов государственных структур с иностранцами не кажется неправдоподобной, а потому тягости, описанные «вызывателем» при осуществлении набора колонистов, весьма вероятно, имели место. При всем этом, Кано де Борегард, по отзывам чиновников Канцелярии, считался наиболее порядочным из всех «вызывателей»: «ухищрения вызывателя барона де Борегарда закрыты были долее всех протчих вызывателей потому, что поступки его сколько канцелярия видеть могла сходились по наружности более всех протчих вызывателей с постановленным с ним договором, кроме неприсылки подробных колонистовых в полученных ими от него денгах росписок, однако же в том по принесенным от него извинениям канцелярия принуждена была его не только оправдать но еще получила при том и повод почитать его Борегарда в наблюдении Ея Императорскаго Величества интересов усердным, потому что в неприсылке в силу контракта подробных колонистских росписок не столько он Борегард, сколько гамбургской министр господин Пушкин и потом переводчик Вихляев виновными были»²⁵. Сам «вызыватель», кроме прочего, подчеркивал свою заботу о жизни и здоровье набираемых

²³ ПСЗ РИ, собрание 1, т. 17, № 12619.

²⁴ Там же.

²⁵ РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 56, л. 354.

колонистов, снабжая их в пути «всем потребным платьем», нужными лекарствами, а также доставив «доктора, лекарей и повивальных бабок»²⁶.

Несмотря на отмеченные трудности, особый подход Кано де Борегарда к формированию колоний дал положительный эффект. Об этом свидетельствует то, что его поселения продержались автономно дольше остальных «вызывательских» колоний, а кроме того, на территории, управляемой Борегардом, не наблюдалось волнений и беспорядков, как в других колониях, где, как следствие, Саратовская контора постепенно лишала «вызывателей» властных полномочий. Обращение же колонистов Борегарда в коронных произошло не по причине их недовольств «вызывательской» администрацией, а именно из-за обвинения директора в денежных злоупотреблениях. Однако, в целом, попытка государства отдать часть поселений в управление так называемых «партикулярных людей» или «частных предпринимателей» не увенчалась успехом. Это подтверждается не только общим недовольством «вызывательских» колонистов своим положением в сравнении с коронными (необходимость платить директорам десятину), но и другими злоупотреблениями «вызывателей», по-видимому, прилагавших усилия, главным образом, к упрочению собственного благополучия, продолжая эту линию еще со времени агитации и склонения иностранцев к переезду, когда вербовщики порой до неузнаваемости приукрашивали действительность, ожидавшую переселенцев²⁷. Так, например, жители колонии «вызывателей» Леруа и Питета жаловались на то, что директор и его поверенный подговаривали колонистов подавать в Канцелярию опекунства подложные прошения о выделении ссудных денег, якобы на семьи поселенцев. На самом же деле, «вызывательская» дирекция забирала себе большую часть полученных средств. Также, оказалось, что Леруа и его поверенный обязали колонистов принять присягу на верность дирекции и разработанный ими устав, не одобренный, однако, Канцелярией опекунства иностранных. Поверенный Леруа Гогель противных ему колонистов называл клятвопреступниками. Рассуждая о проступках Леруа, Питета и их поверенных, вице-президент Канцелярии опекунства иностранных Василий Баскаков подчеркивал, что «если бы вместо явного ослушания повиновался бы он (Леруа. – Е.О.) конторе и не обманывал колонистов, выманивая у них деньги под разными видами, то б не было и причин ни колонистам, ни конторе на него жаловаться»²⁸. Другой «вызыватель», де Боффе, взял у Канцелярии деньги якобы на строительство каменных домов для своих колонистов, однако за два года было выстроено всего два дома, а когда контора решила проверить «вызывателя» на этот счёт, материалов на постройку оставшихся тридцати домов в наличии не оказалось²⁹.

²⁶ Там же, л. 328об., 329.

²⁷ Г.Г. Писаревский, *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам)*, Москва 1909. (Приложение № 32 «Описание поступков вызывательских в новозаведенных колонистских селениях», с. 55).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 63–64.

Столь дерзостные поступки директоров и их окружения способствовали тому, что Саратовская контора Канцелярии опекунства иностранных постепенно подчиняла себе «вызывателей» и лишала их основных административных функций. Так, например, ранее «вызовщики» занимались раздачей ссудных и кормовых денег колонистам, но с созданием института окружных комиссаров данная обязанность перешла к последним³⁰. По временной юрисдикции, разработанной Саратовской конторой, форштегеры переходили из власти «вызывателей» под подчинение окружным комиссарам, колонисты же к концу 1770-х гг. окончательно перешли в статус коронных. Таким образом, управление «вызывательской» дирекции показало свою неэффективность.

Идея передачи частным «вызовщикам» управленческих функций потерпела поражение. В случае ее успешной реализации поселения иностранцев могли бы стать наиболее автономными. Однако, почти все «вызыватели» оказались не способны организовать эффективную административную модель и выстроить диалог с жителями своих колоний. Это могло объясняться чрезвычайной корыстью директоров. Как правило, именно стремление к улучшению материального благосостояния, обогащению, и становилось главной целью переезда выходцев из Западной Европы в Россию. С другой стороны – причины могли крыться в общих условиях переселения и пребывания «вызывателей» в Российской империи. Такие иностранцы находились в зависимом положении от государства в течение длительного времени и вынуждены были постоянно заботиться о поддержании необходимого числа переселенцев, а также имели обязательства по возврату ссудных денег. В результате, ключевые властные полномочия и контроль над иностранными колониями вновь получили специальные государственные органы.

BIBLIOGRAFIA

źródła

Российский государственный архив древних актов (РГАДА): Ф. 283. Оп. 1. Д. 16; Ф. 283. Оп. 1. Д. 56; Ф. 283. Оп. 1. Д. 61.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 16.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 17.

literatura

Писаревский Г.Г., *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам)*, Москва 1909.

Плехе И.Р., *Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века*, Москва 2008.

³⁰ Г.Г. Писаревский, *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам)*, Москва 1909, с. 196.